

В.В.Радаев,
доктор экономических наук.
Институт экономики РАН,
Московская высшая школа социальных
и экономических наук

О социальных компромиссах и теневой экономике

Постоянный упрек в адрес представителей государства заключается в том, что они не способны ввести новые, более эффективные правила хозяйствования, не в состоянии поддержать их работоспособность. В чем же состоит решающая причина — отсутствует понимание ситуации или не хватает

политической воли? Порой складывается впечатление, что любые волны формальных нововведений разбиваются об утесы привычных неформальных практик хозяйствования. Но ведь сами неформальные практики, как мы увидим ниже, тоже эволюционируют. Каков механизм этих изменений?

От формальных правил к социальным компромиссам

Мы полагаем, что при анализе социально-экономической динамики целесообразно говорить о *малых институциональных циклах*, которые выглядят следующим образом. Каждый цикл начинается с введения или серьезного изменения некоторых формальных правил (законодательных и подзаконных регламентирующих актов). Это приводит не просто к приспособлению хозяйственных агентов, которые подстраиваются под эти правила или уклоняются от их выполнения. Происходит нечто более важное. Введение формальных правил каждый раз сопровождается сетью достаточно широких *социальных компромиссов*. Иными словами, с усилением давления в одном месте, что-то дозволяется в другом, или в том же самом месте делаются неявные послабления, существенно облегчающие жизнь.

Примеров подобной "непоследовательности" можно привести немало. Так, в 1992 г. начали проводить политику "шоковой терапии", однако отказались от жесткого замораживания заработной платы и пенсий, а также от практики льготного кредитования предприятий и банков. Затем реализовывали программу обязательной открытой приватизации, в результате которой большинство директората осталось на своих местах. Все эти годы не прекращаются жалобы на излишнюю регламентацию хозяйственной деятельности. Но ведь многие установления благополучно обходятся через теневые операции. Мы постоянно слышим, что государство задушило всех своими налогами. Реже говорится о том, что многие из этих налогов можно не платить. По крайней мере, риск ухода от налогов как для предприятий, так и для населения пока не слишком высок. Вдобавок, население месяцами не платит за жилье, все меньше людей платит за проезд в транспорте. Все это элементы одной неформальной политики общих послаблений.

Когда возникает относительно успешный социальный компромисс? Когда все обо всем знают, многие жалуются, но мало кто предпринимает целенаправленные действия по изменению ситуации. Означает ли это, что все довольны, а жалобы являются чистой дымовой завесой, за которой спокойно обделываются свои дела? Это не совсем так, для многих предприятий и групп населения ситуация может заметно ухудшаться. Но достижение компромисса не требует покупать всех на корню. Достаточно бывает откупиться

от наиболее активной и беспокойной части агентов, дать им возможность преуспеть или выпустить пар.

Именно на фоне вводимых правил и сопровождающих их компромиссов и разворачиваются стратегии предприятий и домашних хозяйств. Причем эти компромиссы не зафиксированы нигде — ни в каких моделях переустройства или политических программах реформирования экономики. Они реализуются как совокупность микросоглашений, договоренностей, негласных конвенций. Так было в советское время, так происходит и сейчас.

От стабильности к кризису

Когда же прекращается период относительной стабильности и наступает кризис? Мы знаем, что любой кризис связан с переделами в коридорах государственной власти. Однако ключевой вопрос состоит в том, что делает эти переделы возможными, легитимными, на какие силы опираются сторонники очередного передела. Многие склонны видеть основную причину в нарастании волны недовольства, подводящей нас к очередному порогу социального взрыва. Но беспрестанные ожидания подобных взрывов в последнее десятилетие оправдывались слабо. Нам кажется, что основные причины чаще носили более банальный экономический характер. И действовали они так. Социальные компромиссы утверждались и утверждаются во многом не в целях повышения экономической эффективности, а за счет принесения ее в жертву ради баланса социальных и политических сил. Однако рано или поздно экономика начинает идти вразнос и подталкивает к новым изменениям в системе формальных правил, их подстраиванию под сложившуюся ситуацию. Так, объявляется либерализация цен, чтобы формализовать уже идущий процесс слабоконтролируемого ценового роста. Разворачивается программа массовой приватизации, чтобы оформить процесс стихийного растаскивания государственной собственности. Списываются долги или раздаются льготы, подтверждая фактическую экономическую несостоятельность предприятий и т.п. В свою очередь, новые формальные правила ведут к установлению новых компромиссов. И институциональный цикл начинается снова. Заметим, что речь идет не о столетиях, а о куда более коротких промежутках времени. Поэтому мы и называем их малыми институциональными циклами.

От советской к постсоветской теневой экономике

Теневая экономика, о которой пойдет речь далее, является ярким свидетельством и неотъемлемой частью упомянутых соци-

альных компромиссов. Какие изменения происходят в этой полу-закрытой сфере? Известно, что в постсоветский период масштабы ее серьезно возросли. Но нас в данном случае будет интересовать другое — как происходит качественная трансформация места и функций теневого сектора и теневых отношений при переходе от советской к постсоветской России¹.

Начнем с того, что за последнее десятилетие серьезно изменились *границы теневой экономики*. Уголовный Кодекс в части хозяйственных преступлений, по существу, переписан заново. То, что раньше называлось преступной спекуляцией, сегодня становится легальным бизнесом. Что-то из разряда "ужасных" преступлений переводится в более терпимые "серые зоны" (например, нелегализованные операции с валютой). В советской хозяйственной системе практически любое производство продуктов и услуг "в целях частного обогащения" считалось криминалом. Но с наших сегодняшних позиций масштабы собственно преступной деятельности здесь невелики. В постсоветской экономике расширение криминальной активности идет прежде всего за счет "новых производств" заведомо криминального свойства (изготовление и распространение наркотиков и оружия, крупная контрабанда, рэкет, проституция), ставших настоящими отраслями организованной профессиональной деятельности.

От дорогого дефицита к дешевому изобилию

Советская экономика справедливо характеризовалась как "экономика дефицита" (Я.Корнаи). И теневая экономика была сосредоточена на производстве и распределении хронически дефицитных продуктов и услуг. Их реализация осуществлялась "из под полы", по неформальным каналам с активным использованием отношений *персонифицированного блага*. Постсоветская теневая экономика нацелена на иное. Речь идет о производстве и распределении самых обычных благ, не являющихся предметом дефицита. И реализуются эти блага через открытые и *деперсонифицированные коммерческие продажи*.

Сдвиг от дефицита к относительному изобилию находит непосредственное выражение в связке "*качество—цена*". Продукция советской теневой экономики обладала более высоким качеством по сравнению с основной массой товаров и услуг. Предлагалось то, что "нельзя купить в магазине" — будь то недоступный импорт ("фирма") или продукты домашнего производства ("свое"). Соответ-

¹ Более обстоятельно этот материал изложен в: *Радаев В. В.* Теневая экономика в России. Изменение контуров // Pro et Contra. 1999. Вып 1.

ственно, и цены на теневые блага, как правило, были выше. В них включались надбавка за качество, а также надбавка за риск, который в эти годы был весьма высок. В постсоветское время картина изменилась с точностью до наоборот. Сегодня теневая экономика предлагает в основном менее качественные продукты и услуги по более низким ценам. Все это можно купить в магазине, но неформалы заывают тем, что у них "дешевле и не хуже". Фактор дефицита в конкурентоспособности теневых операций уступил место ценовому фактору.

От воровства к неплатежам

Советская теневая экономика основана прежде всего на прямом использовании государственных ресурсов для частных нужд, иными словами, на регулярном *приворовывании у государства*. Не случайно, в одной из первых статей, посвященных советской "второй экономике", она была названа "клептократией"¹. В постсоветских условиях воровство у государства сохранилось как стержень теневых отношений, но форма изменилась: речь идет о неуплате государству налогов от использования частных ресурсов.

Теневая экономика почти всегда, прямо или косвенно, сопряжена с *уходом от налогов*. Однако в советское время это в первую очередь касалось нелегалов, и основным препятствием к легализации были не налоговые антистимулы, а идеологические и бюрократические запреты. Сегодня уход от налогов превратился в стержень теневой политики хозяйственных агентов. И, главное, в эту политику, наряду с явными нелегалами, вовлечена основная масса обычных, вполне уважаемых предприятий. Теневые сегменты все теснее переплетаются с нетеневыми².

Советское приворовывание у государства осуществлялось в первую очередь на рабочем месте (*stealing on the job*). Характер и

¹ См.: Grossman G. The Second Economy of the USSR // The Underground Economy in the United States and Abroad / Ed. V.Tanzi. Lexington: Lexington Books, 1983. P. 253. Впрочем, наряду с приворовыванием для частных нужд, наблюдался и иной любопытный феномен — осуществление теневых операций для нужд предприятия, для выполнения плана. Теневая экономика была призвана сглаживать неизбежные перекосы планового регулирования. Было и немало пострадавших за "нарушения во имя дела".

² Существует множество легальных и нелегальных способов ухода от налогов, которому сегодня принадлежит неоспоримое лидерство среди двух десятков самых типичных нарушений хозяйственного законодательства. Это в ходе нашего опроса отмечало подавляющее большинство предпринимателей — 84%. Еще 10% респондентов указали прочие финансовые нарушения, которые, вероятно, также связаны с уклонением от налоговых платежей (см.: Радаев В.В. Формирование новых российских рынков. Транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика М.: Центр политических технологий (при поддержке CIPE), 1998. С. 275—277).

масштабы воровства определялись формальным статусом работника, его местом в той или иной государственной корпорации. Это не просто воровство, а воровство "по чину", негласная привилегия, обеспечиваемая самим рабочим местом и трудом на общее благо. В постсоветской экономике многие права на ресурсы уже успешно приватизированы, и теневая деятельность означает, наоборот, невключенность в производство общественных благ, отказ их поставлять посредством ухода от налоговых отчислений.

От исключения к избеганию

С институциональных позиций теневая экономика возникает в двух принципиальных случаях: когда какие-либо хозяйственные агенты исключены из системы формальных правил или когда они пытаются обойти эти правила. Механизм исключения (exclusion) противостоит механизму ухода (escape)¹. С этой точки зрения теневой характер деятельности в советское время был обусловлен практической невозможностью получить официальные права собственности и разрешения на ведение той или иной деятельности. Она являлась продуктом *механизма исключения* предпринимательской деятельности. Сегодня приобретение формальных прав не составляет принципиальной проблемы — это стоит денег и времени на преодоление бюрократических препон (т.е. в конечном счете тоже денег). Здесь теневая активность связана уже не с исключением, а с уходом от формальных правил в целях экономии транзакционных издержек.

Меняются способы *легитимации* теневой деятельности. Важная особенность советской теневой экономики состояла в том, что она была, во-первых, нелегальна (полулегальна), а во-вторых, нелегитимна (полулегитимна) в глазах не только органов власти, но и общественного мнения. К услугам теневиков охотно прибегали в случае нужды, налаженные связи с теневиками являлись важной составляющей самообеспечения в условиях "реального социализма". Однако при этом продавцов теневой продукции называли "спекулянтами". Более того, многие искренне считали их "спекулянтами", даже если речь шла о продаже продукции с собственного приусадебного участка — за повышенные цены и за сам характер деятельности, осуждаемый социалистической моралью и идеологией. В постсоветский период произошла реабилитация предпринимательства, его социальный престиж значительно повысился. И легитимной считается не только официальная предпринима-

¹ См.: Feige E.L. Defining and Estimating Underground and Informal Economies: The New Institutional Economics Approach // World Development. 1990. Vol. 18. N 7. P. 991.

тельная деятельность, но чуть ли не всякое проявление инициативы по обеспечению собственного выживания.

От ядра к периферии занятости

Значительная часть теневой экономики всегда была связана с материальным самообеспечением широких групп населения. Но в советский период речь шла, как правило, о дополнительных источниках материальных ресурсов, добавке к семейному бюджету. В постсоветский период теневая активность для многочисленных социальных групп становится решающим источником средств к существованию. А теневая занятость — основной формой занятости.

Это приводит к серьезным сдвигам в *социальной базе* теневой экономики на ее "почвенном" уровне. В советский период в теневую среду вовлекались представители наиболее дееспособных групп населения: энергичные и трудоспособные, с предпринимательскими задатками; готовые к дополнительному труду помимо формальной занятости; обладатели особой квалификации, требуемой для работы "налево"; хорошо встроенные в систему обменных связей, позволяющих добывать дефицитные блага. Тенденция же постсоветского периода заключается, на наш взгляд, в том, что в теневых сферах все более концентрируются представители слабых, социально уязвимых слоев населения — женщины, пенсионеры, работники бюджетных организаций, сокращенные в формальной экономике. Из скрытого форпоста предпринимательской деятельности теневая экономика постепенно превращается в ее явный арьергард.

С точки зрения *сегментации рынка труда* советские субъекты теневой экономики относились чаще всего к "ядру" занятых. Именно постоянные (штатные) работники имели лучший доступ к дефицитным ресурсам предприятия и у них было больше неформальных прав на их негласное присвоение. Постсоветская экономика характеризуется, напротив, удлинением шлейфа периферийных групп, ибо неформальная занятость часто сопряжена с неполной и временной занятостью.

В советское время многие теневые операции были достаточно рискованным делом, но в материальном отношении — выгоднее формального исполнения служебных обязанностей. И те, кто не имел возможностей приработка в теневой сфере, был фактически дискриминирован (это называлось снисходительно "жить на одну зарплату"). Теневые операции в постсоветской экономике, если они не связаны с явным криминалом, относительно менее рискованны

и менее выгодны. Что же касается неформальной занятости, то чаще всего на ее условия идут не от хорошей жизни. Ибо здесь сосредоточены рабочие места преимущественно вторичных рынков труда, т.е. не самые привлекательные, малопрестижные и не слишком хорошо оплачиваемые¹. Таким образом, если основанием советской теневой экономики был хронический дефицит ресурсов, продукции и услуг, то ее постсоветская "преемница" во многом базируется на хроническом дефиците рабочих мест в формальном секторе. Первая подпитывалась скрытым инфляционным навесом не реализованного спроса населения, вторая — открытой безработицей, благополучно перевалившей 10%-ный рубеж, и скрытой недостаточной занятостью, масштабы которой оценить чрезвычайно трудно.

От прикрытия глаз к корпоративному альянсу

Переход к постсоветской теневой экономике характеризуется укреплением корпоративного альянса между нанимателем и наемными работниками, между различными группами трудового коллектива. Дело в том, что "воровство на рабочем месте" в советское время происходило внутри предприятия и было, хотя и массовым, но в принципе индивидуальным делом. Одни пользовались своим положением больше, другие — меньше, третьи не пользовались совсем. Начальники и исполнители имели в сфере теневой деятельности разные интересы и часто вовлекали в теневой оборот разные ресурсные объекты. Неуплата налогов, наблюдающаяся в настоящее время, — универсальный инструмент, объединяющий все слои и группы. И важно, что на предприятиях это становится истинно коллективным процессом. Если руководство выдает более 1/2 положенного оклада данной категории работников наличными из потайного сейфа или, скажем, выплачивает часть зарплаты в незарплатных формах, то это перестает быть вопросом личного выбора, повинующегося голосу страха, совести или наживы. Если ты работаешь на этом месте, то получаешь "как все".

Но главное состоит в том, что в сокрытии фонда оплаты труда проявляется общий *корпоративный интерес*, объединяющий нанимателя и наемного работника против государства. Советские практики выноса ресурсов рядовыми исполнителями за пределы предприятий формально не поощрялись администрацией и основывались "как бы на незнании" ею ситуации, иными словами, руководство вынуждено было закрывать на многое глаза или, по край-

¹ Характеристику основных сегментов рынка труда см.: Радаев В.В. Экономическая социология: Курс лекций. М.: Центр политических технологий (при поддержке СІРЕ), 1998. С. 188—194, 311—312, 326—329.

ней мере, не инициировало сам процесс. Постсоветские практики сокрытия части фонда оплаты труда являются инициативой работодателя и чаще всего строятся на основе прямого сговора нанимателя с наемным, непосредственном обсуждении деликатных вопросов и исходя из общих интересов. Противостоящие стороны становятся фактическими соучастниками нарушений. Любопытно, что это вносит важные подвижки в основу трудового альянса. Если советская теневая деятельность внутри предприятия ставила наемных работников в зависимость от администрации, которая могла приструнить любого путем выборочных проверочных кампаний, то постсоветский механизм теневой зарплаты ставит администрацию в фактическую зависимость от лояльности рядовых работников, ибо последние все же не несут формальной ответственности.

От приуменьшения к преувеличению

Интересно как изменилась *позиция официальных органов* государственной власти в отношении теневого сектора. Советские власти всячески приуменьшали его масштабы и значимость, подчеркивая тем самым действенность государственного контроля. Теневую экономику предпочитали "не замечать". Поведение постсоветских властей изменилось в корне: они старательно преувеличивают масштабы и роль теневой и криминальной экономики, приуменьшая роль государственного вмешательства в хозяйственные процессы.

Впрочем, активные риторические выпады в адрес теневых явлений не означают усиленной борьбы с ними. Более того, теневая активность в настоящее время вполне органично вписывается в идеологию освобожденной предпринимательской инициативы. Фактически утверждается, что скрывающиеся в "тени" предприниматели "не виноваты". Что они поступают по "рыночным законам". И нужно сначала изменить условия их деятельности, чтобы стало невыгодно укрываться в тени. Практически произошла полная реабилитация теневой экономики.

Таким образом, наряду с расширением зоны теневых отношений в постсоветский период произошла качественная трансформация функций теневой экономики. Разумеется, советская и постсоветская теневые экономики имеют немало сходств. Однако в данной работе мы концентрировали внимание именно на различиях, которые зачастую выпадают из поля зрения тех, кто рассуждает о "теневизации" российской экономики.